

Достоевский глазами наших современников (Из интервью епископа Венского и Австрийского Илариона, Е. Образцовой, К. Занусси, епископа Женевского и Западноевропейского Михаила)

Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев)

– *Владыка, а что для вас лично значит Достоевский?*

– В моем духовном становлении он сыграл очень важную роль. В 14–15 лет я перечитал все романы и дневники Достоевского... После каторги до конца своих дней Достоевский был глубоко верующим человеком – православным христианином, – и в то же время, судя по его произведениям, для него вопрос о бытии Бога оставался открытым. Основная фабула всех его романов вращается вокруг дилеммы – есть Бог или нет. От этого выбора зависит шкала нравственных ценностей, предлагаемая человеку. Именно поэтому человек говорит: «Если Бога нет, то все позволено» – то есть тогда нет абсолютной шкалы ценностей, все ценности относительны. И сила Достоевского, на мой взгляд, состоит в том, что он всем своим творчеством показал, что только вера в Бога является гарантом нравственного переживания каждого человека и всего человечества. Я поверил в Бога еще до знакомства с Достоевским, но он способствовал углублению моей веры.

– *Достоевский писал о том горниле сомнений, через которое его осанна прошла. А вам приходилось ли испытывать что-то подобное?*

– У меня никогда не было сомнений в бытии Божиим, в промысле Божиим, в том, что Бог присутствует в мире и заботится о каждом человеке. Но в то же время каждый православный христианин, а особенно служитель церкви, в жизни всегда испытывает скорби, искушения, разочарования, сталкивается с людьми, которые находятся не на должной нравственной высоте, и, конечно, здесь необходим очень твердый внутренний стержень. Искушения не должны поколебать в человеке самое важное – его веру. В моей жизни были и искушения, и разочарования, но не было никогда момента, когда бы я усомнился в благодати Божией или разочаровался в том, что в двадцать лет встал на путь служения Богу.

– *Бельгийский художник Гарольд Ван де Перре говорит, что Достоевский – это Микеланджело в литературе. А с кем бы по масштабу личности сравнили писателя вы?*

– С Дмитрием Шостаковичем. В истории русской культуры XX века Шостакович – единственный, кто по масштабам дарования и глубине творчества приближается к Достоевскому, отразившему в своих романах главный спор русской интеллигенции XIX века – есть Бог или нет, спор со всеми вытекающими последствиями. Шостакович жил в другую эпоху – когда открытого спора о Боге и Церкви

ви не было вообще. И в то же время все его творчество показывает, что он был верующим. Он не писал церковную музыку и, по-видимому, не ходил в церковь, но его музыка свидетельствует о том, что он глубоко чувствовал трагизм существования человека без Бога, переживал трагедию современного общества – безбожного, отказавшегося от своих корней. Эта тоска по Абсолюту, жажда Бога, правды присутствует во всех его произведениях...

Елена Образцова

– Елена Васильевна, я заметила, что вы часто употребляете одно из любимых словечек Достоевского – наречие «вдруг». Однажды вы признались, что главный художник Большого театра Владимир Рындин открыл для вас Достоевского...

– Да, я очень благодарна Рындину, чрезвычайно интересному человеку, который хотел, чтобы я обязательно полюбила Достоевского, и я полюбила его, прочитав все его книги в той последовательности, в какой приносил их Рындин. Одна из самых любимых моих ролей – очень яркая, сочная роль Бабуленьки в опере Прокофьева «Игрок». Я всегда представляю в этом образе Фаину Раневскую. Она обязательно должна была играть эту потрясающую Бабуленьку, которая просаживает свои миллионы в карты, а на оставшиеся деньги строит храмы...

Кшиштоф Занусси

– Какие из экранизаций Достоевского вы считаете удачными?

– Кажется, ни одну.

– А сами взяли бы что-то экранизировать?

– Нет, никогда бы не взялся. Потому что шедевры не требуют экранизаций. Хотя были все-таки сняты интересные картины на основе Достоевского, но для меня экранизация классики – это только такая, знаете, обложка для книги, она должна притянуть, чтобы потом прочитать саму книжку.

Епископ Женевский и Западноевропейский Михаил (Донсков)

– В ситуации, когда в окружении человека нет ни одного верующего, можно прийти к Богу, читая Достоевского, что я лично испытала на себе...

– Да, каждый человек рано или поздно задает себе вопросы духовно-нравственного характера, и многие страдают оттого, что не имеют на них ответов. Достоевский, на мой взгляд, – единственный писатель в мире, который не только ставит эти вопросы, но и дает на них ответ, причем, что для нас особенно ценно, дает ответ с точки зрения Православия. Достоевский – проповедник Истины. Он показывает, что человек – хоть и падший грешник – если любит Бога, то может через покаяние преобразить свою жизнь. Особенно ярко это видно в «Братьях Карамазовых», хотя примеров много во всем его творчестве. Люди недоумевают, почему Достоевский подробно описывает разврат, лукавство, разного рода падения. Но совершенно ясно, что он сам не любит это. Он указывает человеку путь. Он открытым текстом говорит: только подойди к Богу, и у тебя все решится.

Еще митрополит Антоний Храповицкий считал, что Достоевский способен тронуть чувства и сознание людей из всех слоев русского общества, что русский народ через Достоевского придет к вере. Я хорошо знаю французов, но плохо понимаю, как Достоевский может повлиять на душу француза. Французы любят и уважают Достоевского, но я с ними не говорил на эту тему, зная, что у католиков другое восприятие. Когда едешь в поезде с французом, он будет рассказывать о себе, своей семье, своей жизни, о том, какой он хороший. А садишься в вагон с русским – и узнаешь, какой он негодяй, пьяница, как он колотит жену и т.д.; то есть тут же вырывается искреннее чувство покаяния. Основная разница между русскими и иностранцами – открытая душа. Русский всегда без прикрас откроет свое сердце. С одним русским я беседовал в поезде тринадцать часов! Для меня это было откровением. У него была сложная жизнь. И спустя двенадцать часов он вдруг спрашивает: «Какая разница в том, чтобы быть хорошим христианином или хорошим коммунистом?» Я ответил, что христианин – это человек, принимающий в свое сердце Христа. «Это не так», – сказал он, вскочил и убежал. А через пять минут вернулся и за последний час совершенно раскрылся. Он казался на вид на 20 лет старше меня, а оказался на 20 лет моложе.

– *Владыка, какое произведение Достоевского вы прочитали первым?*

– Самое первое – «Униженные и оскорбленные». В Париже, где я тогда жил, ставили пьесу по этому роману. В нашем окружении нам рекомендовали читать роман «Бесы». Хотя Достоевский переведен на французский язык, в школе его не изучают. Его везде уважают, но более восприимчив к нему русский народ. Если русские будут читать Достоевского, они к Церкви придут. Это мое мнение.